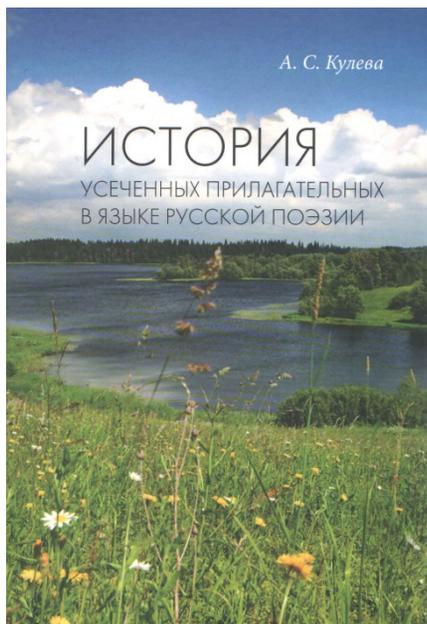

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/63/19

Рецензия на книгу: Кулева А.С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. – М.; СПб. : Нестор-История, 2017. – 544 с.

Усеченные прилагательные традиционно рассматривались как черта поэзии XVIII в., однако собранный материал (более 30 тыс. поэтических текстов 500 авторов XVII – начала XXI в.) показывает, что этот грамматический архаизм употреблялся в русской поэзии на протяжении всей истории ее существования, встречается и на современном этапе. В книге описывается происхождение и функционирование усеченных прилагательных, что позволяет по-новому взглянуть на эволюцию поэтического языка.

Книга может быть полезна не только лингвистам, но и литературоведам, а также всем интересующимся русской поэзией.

Проблема формирования русского литературного языка анализируется лингвистами обычно как проблема лексикологическая, «проблема словаря» [1. С. 6], т.е. прежде всего в аспекте соотношения старославянских и собственно русских элементов. Однако отличия между двумя книжно-литературными традициями самими грамматистами-нормализаторами и мастерами слова в их языковом сознании связывались, скорее, с грамматическим строем: поэтическая лексика и фразеология «высокого штиля», перенятые из церковнославянской и древнерусской книжности, не исчезают и с победой «нового слога» над «старым»: усвоив лучшие образцы классицистической традиции, карамзинская школа, разумеется, опиралась на них в своих языкотворческих исканиях, и потому не столько лексический, сколько грамматический строй языка оказывался тем благодатным полем, на котором было возможно развертывание авторских новаций эпохи сентиментализма, романтизма и далее. Г.О. Винокур отмечал: «Можно думать, что в области морфологии граница между “славенским” и “простым русским” обнаруживалась нагляднее всего. Простые прошедшие времена... формы именительного падежа единственного числа причастий мужского

рода без звука *щ* в настоящем времени и звука *ш* в прошедшем времени типа *даяй*, *давый* и т.п. для русского человека первой половины XVIII в. были наделены гораздо более сильной экспрессией старины и церковности, чем церковнославянские слова, из которых многие стали уже вполне привычными и, главное, могли даже не иметь русских эквивалентов в бытовом языке» [2. С. 126]. Ставшие главным предметом исследования в рецензируемой монографии усеченные формы имен прилагательных представляют собой как раз не только факт словаря, но и грамматический элемент, который позволяет представить в динамике развитие как лексического и морфологического, так и синтаксического строя языка.

Важность и релевантность поэтических текстов для понимания как магистральных, так и периферийных тенденций формирования русского литературного языка не вызывают сомнений: от Кантемира, Третьяковского и Ломоносова до Карамзина и Пушкина целое столетие прошло под знаком языковых споров «архаистов» и «новаторов», когда главенствующее место в словесности принадлежало именно стихотворным жанрам, когда судьбы русского литературного языка и поэзии были теснейшим образом связаны, а реформаторами языка становились поэты. Выбор автором рецензируемой монографии поэтических текстов для манифестации с разной степенью активности протекавших в русском литературном языке процессов представляется адекватным поставленной в работе задаче описания происхождения и функционирования усеченных прилагательных также и потому, что именно поэзия давно признана основной сферой использования подобных адъективных форм: как отмечает А.С. Кулева во введении к своей книге, «усеченные прилагательные можно назвать одной из констант языка русской поэзии» (с. 6).

Первая часть монографии «Место усеченных форм в системе имени прилагательного» содержит экскурс в историю кратких (нечленных), полных (членных) и усеченных дериватов в русском языке древней, старшей и новой поры, а также описание состава, способов образования и функций усеченных имен прилагательных и причастий в русской поэзии на протяжении всех четырех веков ее развития. Автор монографии, исследовав обширный материал, приходит к выводу о разнообразии способов образования так называемых «сокращенных» форм и о богатой их функциональной палитре, менявшейся в направлении от XVII столетия к началу XXI («поэтические вольности» использовались не только в целях версификации, как об этом часто пишут специалисты в области языка поэзии, но и для фольклорной или исторической стилизации, формирования «высокого», торжественного регистра речи, иронической или пародийной языковой игры).

А.С. Кулевой приводятся подробные данные, отражающие динамику падежной парадигмы усеченных форм прилагательных и причастий: наиболее употребительные формы Им. падежа всех родов и чисел, а также омонимичные им аккузативные образования; уже реже встречаются формы Р. и Д. падежей м. и ср. рода; к маргинальным относятся формы Р. падежа ж. рода, Тв. и Пр. падежей (*дарованьями различны, на месте пусте* и т.п.).

Интересны доводы исследователя, доказывающие не версификационную, а стилистическую прагматику «сокращенных» имен, имеющих то же количество слогов, что и полные аналоги: «Например, из 143 форм в силлабической поэзии XVII в. 25 равносложных: *многоковарен, безгласен, страшен, земен, разумен, верен* и др.; из 35 форм в силлабической поэзии XVII–XVIII вв. одна равносложная: *благодатен*; из 38 форм в 150 текстах XVIII в. – 4: *развратен, пребезумен, приятен, светел*; в поэзии Пушкина из 133 форм – 26 (в основном полупредикативных): *прекрасен, прозрачен, благороден, мрачен, полон, грозен* и др. С точки зрения версификационной техники такие равносложные формы ничего не дают (нет даже разницы в ударении), трудно отметить в них яркую стилистическую окраску» (с. 54). Судя по приведенным данным, тенденция к стилистическому использованию усеченных форм усиливалась, и она станет ведущей в новейшей поэзии.

В третьей и четвертой главах первой части А.С. Кулева подробно анализирует формообразование и функционирование усеченных атрибутов в языке русской поэзии XVII–XXI вв., скрупулезно фиксируя и разграничивая их экспрессивные потенции и версификационную роль, выявляя частотность морфологических и функциональных подгрупп, показывая, как с течением времени усеченные формы превращаются в одну из ярких доминант идиостиля (например, В. Сосноры, В. Кривулина, М. Степановой) на фоне становящегося все более редким использования «сокращенных» дериватов в русской лирике в целом: согласно проведенным автором книги подсчетам (табл. 8, с. 518–519), если в виршевой и силлабической поэзии усеченные прилагательные встречаются практически в каждом из привлеченных к анализу текстов, то в стихотворных произведениях пушкинской эпохи средний показатель падает примерно до одной десятой доли, а век спустя и далее не превышает 3%.

Пятая глава, завершающая первую часть монографии, освещает принципы составления словаря усеченных имен прилагательных, описания словника, построения статьи. Затем вниманию читателей предлагается сам словарь усеченных прилагательных, содержащий около 2 тыс. лексем, более 10 тыс. поэтических контекстов, извлеченных из стихотворных произведений XVIII – начала XXI столетия, – первый лексикографический опыт, специально посвященный истории одной грамматической формы в русской поэзии¹. Каждая словарная статья содержит хронологически (в соответствии с литературной эпохой автора) выстроенные контексты, сопровождающиеся морфологическими пометами (указываются формы падежа, рода и числа усеченных прилагательных), указанием рифменной позиции. Вокабулой служит полная форма соответствующего прилагательного для оптимизации поиска слова. Контекст позволяет пользователю увидеть синтаксическую позицию и определить функцию адъектива, например: *Я в*

¹ Еще один опыт грамматического словаря, описывающего происходившие в русской поэзии процессы на синтаксическом уровне, посвящен синтаксису стихотворных произведений малых и средних жанров, см.: [3].

сердце зрю алмазну гору (Державин). Столь богатый материал, представленный в монографии, позволяет проследить изменение словаря усеченных форм на протяжении золотого века русской поэзии, судьбу грамматического архаизма, который не перестает быть интересен и новейшим авторам (на смену библеизмам и поэтизмам *благ, росски, небесны, томны* и т.п., фольклоризмам *белу, красна, сине* и пр. приходят ocasionальные *пластмассовы, чайны, музыкальны* и др.).

Выражаем надежду, что увенчавшиеся успехом усилия автора рецензируемой монографии будут продолжены: представляется важным и перспективным дальнейшее изучение усеченных форм на материале прозы и драматургии, что позволило бы подтвердить или опровергнуть гипотезу об особой роли этих образований именно в языке поэзии.

Н.В. Патроева

Литература

1. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М. : Языки русской культуры, 1996. 591 с.
2. Винокур Г.О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 111–137.
3. *Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века* : в 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН. Т. 1 : Кантемир, Тредиаковский. 2017. 576 с.; Т. 2: Ломоносов. 2019. 608 с.

Book Review: Kuleva, A.S. (2017) *Istoriya Usechennykh Prilagatel'nykh v Yazyke Russkoy Poezii* [The History of Clipped Adjectives in the Language of Russian Poetry]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 315–318. DOI: 10.17223/19986645/63/19

Natalja V. Patroeva, Petrozavodsk State University, (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: nvpatr@list.ru

Clipped adjectives have traditionally been regarded as a feature of the 18th-century poetry, but the collected material (more than 30 000 poetic texts by 500 authors of the 17th – early 21st centuries) shows that this grammatical archaism has been used in Russian poetry throughout its history, and is also found at the modern stage. The book describes the origin and functioning of clipped adjectives and offers a fresh look at the evolution of poetic language.

The book can be of use not only to linguists, but also to literary scholars, as well as to those interested in Russian poetry.

References

1. Zhivov, V.M. (1996) *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia in the 18th Century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Vinokur, G.O. (1959) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR. pp. 111–137.
3. Patroeva, N.V. (ed.) (2019). *Sintaksicheskiy slovar' russkoy poezii XVIII veka* [The Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century]. St. Petersburg: DMITRIY BULANIN.